

УДК 93/94

ВОСТОЧНАЯ ВЕТВЬ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

МАРКОВЧИН Владимир Викторович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются процессы организации очагов русской военной эмиграции на территории Китая и Монголии в 1920–1929 гг., возникшие после краха Белого движения на Дальнем Востоке и в Сибири. Рассматриваются неизвестные факты из жизни лидеров эмигрантских масс, впервые опубликованные в сборнике документов «Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы». Т. 7 «Восточная ветвь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская эмиграция, Китай, Монголия, Белая гвардия, Гражданская война, чужбина.

MARKOVCHIN V.V.,

Cand. Hist. Sci., Senior Researcher

Scientific Research Institute (of Military History),

Military Academy of General Staff (Moscow, Russia)

THE EASTERN BRANCH OF WHITE EMIGRATION

ABSTRACT. The research looks at how military centers of Russian emigration were organized in China and Mongolia in 1920–1929 years. They emerged after the collapse of the White movement in the Far East and in Siberia. Unknown facts from the life of the emigre leaders of the masses first published in the collection of documents "Russian Military Emigration of 20–40 years. Documents and materials". V.7 "The Eastern Branch".

KEY WORDS: Russian emigration, China, Mongolia, the white guard, the civil war, the exile.

Уже в конце 1917 г. в Монголию и Китай направились первые разрозненные группы граждан бывшей Российской империи, чтобы на чужой территории переждать очередную русскую смуту. Спустя еще пару лет в эти же государства начали свой стихийный отход разбитые части пяти бывших армий, объединенных под общим командованием адмирала А.В. Колчака¹. Расколотые на несколько неравных частей, в большинстве своем полностью деморализованные, зараженные различными эпидемиями, истребляемые непрерывными атаками революционных войск, белогвардейские отряды отступали в чужие пределы. В отличие от европейской эмиграции, здесь, в Азии, этот процесс проходил беспорядочно, и в его руководстве к тому времени не было столь авторитетного вождя, каким был генерал Врангель. Не было четкого плана эвакуации, координации и понимания первоочередных задач, не было проработанных перспектив дальнейшей вооруженной борьбы.

Весной 1920 г. тремя колоннами перешли китайскую границу части Отдельной Семиреченской армии под командованием Б.В. Анненкова, А.И. Дутова и А.С. Бакича [1]. Осенью того же года ушли в Монголию части под командованием барона Р.Ф. Унгерна, а вслед за ним ушли в Китай каплелевские подразделения и отряды Г.М. Семенова. Предпринятые в 1921–1922 гг. попытки реанимации Белого движения на Дальнем Востоке путем концентрации и использования всех сохранившихся за кордоном воинских контингентов оказались безуспешными, в том числе и по причине проведения Советской Россией ряда контрмер. В результате проведенной военной разведкой Красной армии

спецоперации был показательно убит атаман А.И. Дутов [2], нейтрализован на 2 года (посажен в китайскую тюрьму) его ближайший сподвижник – Б.В. Анненков, а при полном содействии монгольских властей взяты в плен и позднее ликвидированы не менее яркие военачальники – барон Р.Ф. Унгерн и генерал А.С. Бакич [3; 4].

К началу 1923 г. активные боевые действия в Сибири и на Дальнем Востоке закончились. Продолжавшаяся 5 лет Гражданская война завершилась полным поражением белых сил. К тому времени освободившийся из тюрьмы Б.В. Анненков в течение двух лет предпочел не участвовать в политике, занявшись сельским хозяйством на арендованной у китайцев земле. В дальнейшем он возвратился в Советский Союз (явно не по своей воле), предстал перед судом и был расстрелян летом 1927 г. в Семипалатинске. Аналогичным путем последовали на родину такие авторитетные генералы, как И.М. Зайцев, П.П. Иванов-Ринов, В.Г. Болдырев, Н.С. Анисимов Н.С. и многие другие, судьба которых сложилась впоследствии не менее трагично [5]. Как неоднократно отмечал в своих показаниях атаман Б.В. Анненков, в конечном счете на Дальнем Востоке сложилась ситуация, когда практически вся верхушка белого руководства была скомпрометирована, что отнюдь не способствовало решению существовавших бытовых и иных проблем, не говоря уже о возобновлении гражданской войны. Относительная боеспособность войск поддерживалась как продажей оставшегося в распоряжении имущества (в первую очередь – кораблей), так и далеко не всегда постоянной и щедрой помощью покровителей, в первую очередь японцев.

Бродивший среди руководителей русской военной эмиграции в Европе проект т.н. «Восточного дела», заключавшегося в массовой переброске на Дальний Восток воинских контингентов для продолжения гражданской войны, так и не был реали-

¹ К середине 1919 г. на территории Сибири и Дальнего Востока боевые действия вели Западная, Уральская, Сибирская, Оренбургская (Южная) и Семиреченская армии.

зован в первую очередь по экономическим причинам, и только потом – по политическим. Проблем у Русской армии генерала Врангеля оказалось несколько не меньше, поэтому новые планы по реанимации Белого движения в итоге успехом не увенчались.

Оказавшись на Дальнем Востоке на чужой территории, русские воинские контингенты были интернированы, практически лишены вооружения и материальных ценностей, включая остатки золотого запаса Российской империи. Не выдержав новых невзгод, часть людей возвратилась на территорию Советского Союза, на милость победителей, оставшиеся же за границей белогвардейцы и гражданские беженцы начали приспосабливаться к новым жизненным реалиям, конкурировать с китайцами на рынке рабочей силы. Приютившие белогвардейцев государства как в экономическом, так и в политическом положении были очень слабы. Данный регион на протяжении многих лет испытывал сильнейшее влияние со стороны более развитых государств – в первую очередь Японии и Великобритании. Впрочем, о своих геополитических интересах неоднократно заявляли и САСШ², и Франция.

Существовавшие в Китае иностранные концессии, тщательно курируемые посольствами, служили инструментом влияния, время от времени намекая на события т.н. «восстания боксеров», когда необходимый порядок в стране был наведен только при участии войск Альянса восьми государств³. И хотя с Российской империей было покончено, практика использования русских войск, вынужденно оказавшихся на китайской территории, была продолжена. Формы этого использования были разными – от найма на работу наиболее дефицитных специалистов до использования в качестве штрейкбрехеров. И если на начальном этапе все-таки преваляла война на русской территории, то постепенно интересы изменились. Уже в 1925 г. недавние противники в общероссийской смуте встретились в одних окопах – в Китае началась собственная гражданская война, и в ней на одной стороне приняли участие советские военные советники и вчерашние белогвардейцы, поневоле ставшие наёмниками. Подобная практика продолжалась не одно десятилетие. Знакомясь с материалами уголовных дел, заведенных советскими оккупационными властями в 1945 г. в Маньчжурии, автор данной статьи неожиданно для себя увидел множество фотографий совсем молодых людей, родившихся уже за границей. Их вина заключалась в том, что они попали в советскую зону оккупации и были русскими по происхождению. Общими чертами для них стала не только военизированная униформа, но и место работы. Они служили охранниками на угольных копях, и их работой хозяева были весьма довольны.

В 2015 г. был опубликован 7-й том академического издания «Русская военная эмиграция 20-х –

40-х годов XX века. Документы и материалы»⁴, посвященный дальневосточной части эмиграции. Он получил название «Восточная ветвь», состоит из 6 глав, в которых опубликовано 258 документов, относящихся к ноябрю 1922 – августу 1929 гг. В главе «Первые годы на чужбине» внимание привлекают материалы, раскрывающие подробности ухода дальневосточных и сибирских белогвардейских контингентов за кордон. Прежде всего, это двухнедельные разведывательные сводки и обзоры по Внутреннему фронту, подготовленные разведывательным отделом штаба Народно-революционной армии и флота Дальневосточной республики (ДВР). Довольно объемные документы, содержащие множество разделов, позволяют в динамике проследить все перемещения белогвардейских подразделений, включая мелкие отряды. Подобные документы составлялись на основе агентурных донесений, в обилии поступавших в штаб армии, что говорит о довольно высоком уровне его оперативной работы. Об этом же говорит и довольно неплохая аналитика, проведенная по этим донесениям [6, документы 1–4, с. 21–65]. Особенно интересны статистические данные из сводных таблиц в той их части, где обозначено количество штыков, сабель, пулеметов и орудий, имевшихся в наличии у противника [6, с. 49–57].

Раскол монархического движения на сторонников великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича Романовых произошел и в этой части русской военной эмиграции. Верноподданнические отчеты и доклады, опубликованные в первой главе седьмого тома, рисуют далеко не праздную картину существования белогвардейских отрядов, разброда и шатаний в стане не только монархистов, но и всего антибольшевистского движения на Урале [6, документы 5–14].

Определенный интерес вызывают аналитические документы, вышедшие из-под пера полковника Генерального штаба Н.В. Колесникова, который по собственной инициативе информировал белоэмигрантское руководство в Европе о развитии ситуации на Дальнем Востоке [6, документы 10, 13, 22]. Позитивных моментов в его материалах было очень мало. Из главы «Маньчжурия» видно, что русскую колонию в Китае регулярно сотрясали скандалы. Так, например, 20 апреля 1926 г. атаман Б.В. Анненков неожиданно для всех прибыл в Москву. Двумя неделями ранее, еще по пути в Советский Союз, он пишет покаянные письма: «Нужно ли бороться со своим народом и его правительством» и «Почему я перешел к большевикам» [7, с. 276–284]. Казалось бы, с ним все становится ясно и понятно. Но 18 апреля (1 мая) 1926 г. в Шанхае выходит очередной номер газеты «Россия», в котором Н.В. Колесников публикует очерк «Бесы» [7, с. 285–286], рассказывающий об интригах против Б.В. Анненкова со стороны большевиков и о негибкой воле последнего. Спустя всего лишь 3 дня Н.В. Колесников публикует очередную статью [7, с. 287–289], направленную против всякого рода атаманов, включая и Б.В. Анненкова. В течение нескольких месяцев страницы ведущих эмигрантских газет Китая регулярно доносили до своих читателей подробности этого скандала.

⁴ Предыдущие 6 томов вышли в период с 1998 по 2013 гг.

² Северо-Американские Соединённые Штаты – название, употреблявшееся в русском языке для обозначения Соединённых Штатов Америки вплоть до середины XX в.

³ Военный альянс, в который вошли Российская империя, США, Германская империя, Великобритания, Франция, Японская империя, Австро-Венгрия и Италия, чьи войска вторглись в Китай в ответ на осаду нескольких дипломатических миссий в Посольском квартале в Пекине. В ходе кампании союзные войска подавили Боксёрское восстание в августе 1900 г. и разбили императорскую армию Китая.

Впрочем, этот пример далеко не единственный, чего только стоит, к примеру, публикация в ноябре 1926 г. в газете «За веру, царя и отечество», официальном органе «кирилловцев», статьи, содержащей открытые выпады против великого князя Николая Николаевича [6, с. 123–125]. Живое участие в локализации последствий данного инцидента приняли английское, французское и японское посольства, расценившие его как прямой удар по консолидации всех белых сил на Дальнем Востоке⁵.

Отдельным политическим и военным деятелем дальневосточной эмиграции в «Восточной ветви» уделено особое внимание. В первую очередь это относится к генерал-лейтенанту Г.М. Семенову, в январе 1920 г. принявшему на себя руководство всей Российской Восточной окраиной. После окончания военной кампании в регионе Г.М. Семенов являлся одной из ключевых политических фигур, с которыми продолжали считаться многие заинтересованные политические силы, в том числе японцы.

В конце 1924 г. в эмигрантской дальневосточной прессе начали регулярно циркулировать слухи о сотрудничестве Г.М. Семенова с официальными представителями Советского государства. Так, например, газета «Молва», анализируя материалы японских и китайских газет, прямо обвиняет атамана в том, что он желает «принять советское подданство, при неперемennom условии, что советская власть представит ему место комиссара Монголии». В обмен на это, якобы, атаман готов ликвидировать всякое «белобандитское движение на Дальнем Востоке» [6, документ 22].

Публикуемые в сборнике «Восточная ветвь» документы раскрывают очередные инициативы атамана Г.М. Семенова. Прежде всего, это «Договор о дружбе и взаимной помощи по осуществлению поставленных задач тремя нижеуказанными сторонами», подписанный в г. Нагасаки 23 декабря 1924 г. Договор подписали: атаман Г.М. Семенов, «от всех Российских подданных, проживающих на территории Китайской республики, Внутренней Монголии и Монголии вообще», князь Довбань, уполномоченный населением Внутренней Монголии, и командующий 2-й армией союзных войск и Шанхайского округа генерал Чжан Юлинь [6, с. 169–171].

Характерно, что это подлинный договор, и остается лишь догадываться, каким образом он появился на Лубянке: точно известно, что спустя 2 месяца после подписания он уже был в Москве, причем, как и копия нового договора между Г.М. Семеновым и Чжан Юлинем о готовности первого оказать услуги Гоминдановскому правительству⁶ в качестве верховного руководителя по военным делам [6, с. 174–176].

Примечательно, что последний договор был подписан в Шанхае 19 февраля 1925 г., а уже на следующий день Г.М. Семенов написал текст нового документа:

⁵ Определенная часть информированных людей считала, что сценарий данного скандала был придуман и реализован непосредственно Г.М. Семеновым в целях улучшения собственного имиджа и ликвидации конкурентов в дележке денежных средств, отпущенных на работу среди монархистов.

⁶ Имеется в виду образовавшееся в результате Китайской революции 1911–1913 гг. в г. Учане буржуазное Временное революционное правительство, возглавляемое представителями Гоминьдана.

Милостивый Государь Гражданин посол Лев Михайлович,

Я очень рад возможности засвидетельствовать Вам свое глубоко искреннее уважение в том, что я, отдав себя на служение нашему общему делу под руководством советского правительства, надеюсь ему оказать посильную пользу в деле проведения в жизнь азиатской проблемы. Ключом последней является разрешение вопроса о Монголии в целом.

Я имею все данные доказать на деле честность своей работы и буду счастлив этой возможностью.

Зная ваши положительные взгляды на монгольский вопрос, в силу высокой Вашей эрудиции в нем, я счастлив свидетельствовать заранее о желании своем проводить его под Вашим руководством.

Прошу принять уверение в моей глубокой преданности.

Атаман Семенов [6, с. 177].

Это письмо свидетельствует, что газетная шумиха была основана на достаточно правдивой информации. Некоторые подробности общения атамана с послом СССР подняты в письме, написанном атаманом 9 февраля 1925 г., а также в целом ряде других документов [6, с. 183–196]. Легендарный атаман, гроза Советской власти на Дальнем Востоке, получил оперативный псевдоним «Приятель», под которым и фигурировал в материалах Иностранного отдела. Для особой убедительности в томе опубликованы воспоминания секретного сотрудника ИНО ОГПУ Э.Б. Найдиса, отличавшегося выразительным стилем повествования, не оставляющие сомнений во взаимовыгодных контактах Г.М. Семенова и советских спецслужб [6, с. 843–852].

Что же заставило Г.М. Семенова пойти на этот шаг? Скорее всего, боязнь за собственное будущее. Не исключено, что атамана ждала участь, схожая с судьбой атамана А.И. Дутова⁷, в связи с чем он решил лишний раз перестраховаться, «задружившись» и с советской стороной. К тому времени он уже много лет дружил с японцами, которые в 1925 г. предоставили атаману Г.М. Семенову свое подданство, а также с монголами, чьим великим князем (хутухтой) он стал еще в период Гражданской войны в России. Советская сторона была реально заинтересована в услугах Семенова, в связи с чем необходимость его физического устранения стала неактуальной. Но если для монголов атаман (реально) на протяжении определенного периода времени был защитником их национальных интересов, то для японских и советских структур – всего лишь инструментом для отстаивания собственных национальных интересов.

В главе «КВЖД и военная эмиграция» приведено 100 документов, посвященных непосредственно проблемам, связанным с Китайской Восточной железной дорогой, сыгравшей очень важную роль в жизни большого количества эмигрантов. Многие из них (несколько десятков тысяч) не только проживали в полосе отчуждения магистрали, но и служили на дороге в качестве специалистов, инженеров, охранников и т.п. Проблемные моменты, возник-

⁷ А.И. Дутов был убит в своей ставке (крепость Суйдун, Синьцзян-Уйгурский автономный округ, Китай) экспедицией террористов, прибывших из Советского Туркестана, 6 февраля 1921 г.

кавшие в те годы между Советским Союзом и китайскими властями, непременно отражались на русских эмигрантах.

В зависимости от политической конъюнктуры эти отношения изменялись в пределах от «любви до ненависти». Первое заключалось, собственно, в приеме на работу, второе – в лишении этой возможности. В соответствии с приказом руководства КВЖД №94 сначала были уволены со службы специалисты-поляки, а затем перед бывшими русскими подданными был поставлен вопрос о переходе либо в китайское гражданство, либо в советское [6, с. 441–442]. Особый вес данной главе придает информация из китайских, японских, немецких военных и иных источников, которая использовалась для оповещения Москвы. Вне всякого сомнения, данные документы проливают свет на многие неизвестные штрихи в широкой палитре советско-китайских отношений XX в.

В еще одной главе («Гражданская война в Китае и участие в ней белогвардейцев») подробно рассказывается о роли, которую играли белоэмигрантские формирования в начавшихся событиях. Ведущая роль здесь отведена отрядам генерала К.П. Нечаева и полковника А.Ф. Гущина, чьи отчетные документы, которые он направлял в ИНО ОГПУ, весьма интересны по содержанию [6, с. 587–597].

Полученная из различных источников информация не оставляет сомнений в том, что в создавшихся условиях «русская карта» была разыграна китайскими властями достаточно неумело, что привело в конечном счете к закономерной гибели части военных контингентов, потере бронепоездов и окончательной утере воинского духа.

Отдельная глава сборника посвящена одной из самых крупных белоэмигрантских организаций на китайском побережье – Казачьему союзу, образованному в конце июля 1924 г. представителями

Сибирского, Оренбургского, Енисейского, Забайкальского и Семиреченского казачьих войск. Согласно донесениям ИНО ОГПУ, главную роль в этом объединении играл отряд генерала Глебова, насчитывающий в своих рядах до 1000 человек. При этом часть контингентов находилась на борту пароходов, а вторая часть – на берегу. Учитывая данное обстоятельство, по предложению бывшего генерал И.М. Зайцева, было решено провести спецоперацию по уводу во Владивосток нескольких пароходов, находившихся в распоряжении отряда Глебова.

Детальную разработку операции провел опять же И.М. Зайцев [6, с. 665–666], и в апреле 1925 г. она была частично реализована – пароход «Монгугай» прибыл во Владивосток вместе с семью десятками бывших белогвардейцев. Его уход внес значительный вклад в дальнейшее разложение русских эмигрантских структур в Китае, и особую пикантность этому процессу придавало активное участие в нем бывших белых офицеров и даже генералов.

Последняя глава сборника посвящена белопартизанскому движению на Дальнем Востоке и приграничному бандитизму. В ней очень много статистических данных и сведений об активных мероприятиях, проводимых советскими властями для нейтрализации этих вооруженных выступлений.

Итак, очередной том из цикла «Русская военная эмиграция», посвященный дальневосточной военной эмиграции, проливает свет на многие события и факты, характерные для периода Гражданской войны на Дальнем Востоке. Впервые опубликованные здесь документы в других условиях так и остались бы за семью печатями в архивах спецслужб, но, к счастью, настали другие времена. Времена, дающие надежду на то, что правда о Гражданской войне почти столетней давности будет опубликована без купюр и извечений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Марковчин, В.В. Три атамана [Текст] / В.В. Марковчин. – М., 2003.
2. Жадобин, А.Т. «Конец атамана» [Текст] / А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, А.Е. Хинштейн // Московский комсомолец. – 1999.
3. Марковчин, В.В. «Воссоздать справедливость» (из истории жизни и деятельности белого генерала Бакича А.С.) [Текст] / В.В. Марковчин, В.П. Пашин // Известия Курского государственного технического университета. – 2010. – № 3.
4. Марковчин, В.В. «Судьба и трагедия белой эмиграции» (по материалам приговора Военной Коллегии Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК генерал-лейтенанту Бакичу А.С. и его штабу) [Текст] / В.В. Марковчин, В.П. Пашин // Известия ЮЗГУ. – 2012. – № 4 (43). – Ч. 1.
5. Марковчин, В.В. Бывшие люди [Текст] / В.В. Марковчин. – Курск, 2013.
6. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. – Курск, 2015. – Т. 7.
7. Марковчин, В.В. Одиссея атамана Аннеккова [Текст] / В.В. Марковчин. – Курск, 2010.